

О.А. ОБЕРЕМКО

ПРОСТРАНСТВЕННО-ДЕЯТЕЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ТЕРРИТОРИИ СВОБОДЫ»¹

Общие теоретические основания

В тексте изложена концепция пространственно-деятельной идентификации. Ее базовые понятия — интеракция и знание — восходят к интерпретативной (понимающей) парадигме, представленной социальным бихевиоризмом (Дж. Г. Мид), символическим интеракционизмом (Г. Блумер), социологией знания (П. Бергер и Т. Лукман). Идентичность понимается как самоопределение индивида и связывается со складывающимися в ходе социальных взаимодействий представлениями о «территории свободы», то есть с определением актором области и степени своего участия в социальной деятельности. Концепция строится на следующих положениях, сформулированных Г. Блумером:

«Человеческие существа живут в мире значимых объектов, а не в среде, состоящей из стимулов и самоконституирующихся сущностей. Этот мир имеет социальное происхождение, ибо значения возникают в процессе социального взаимодействия» ([17, р. 540] перевод по [8, с. 74]).

(1) «Мы знаем объекты (things) по их смыслам»; (2) «смыслы порождаются в ходе социального взаимодействия»; (3) «смыслы изменяются в ходе социального взаимодействия» [18, р. 2].

В отличие от *нормативной* парадигмы социального (взаимо)действия, где «участники социального взаимодействия разделяют общую систему символов и значений, относящихся к социокультурной системе ценностей, которая обладает принудительной силой», положения Г. Блумера выражают теоретическую позицию *интерпретативной* (понимающей) парадигмы. Представители последней исходят «из отсутствия заранее заданной intersубъективной общезначимой системы символов»; при этом полагается, что «действующие лица не просто обладают статусами с четко установленными правилами и

Оберемко Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 350051 Краснодар, ул. Свободы, д. 15, кв. 38.

Электронная почта: oober@rambler.ru

¹ В основу данного текста положен доклад, сделанный на семинаре памяти Г.С. Батыгина (февраль 2007 г., Институт социологии РАН).

Автор выражает глубокую признательность кандидату философских наук А.Д. Хлопину за обсуждение рукописи статьи и ценные замечания.

ролевыми ожиданиями, а ставят смысл и значение каждой социальной роли в зависимость от личной оценки ситуации» [1, с. 45–46].

С понимающей парадигмой согласуется определение идентичности (как регулятивного когнитивного образования), сформулированное Г. Тэджфелом. Под социальной идентичностью индивида он предложил понимать его «знание о своей принадлежности к определенным социальным группам и эмоциональную и ценностную значимость этой принадлежности» [22, р. 292]. Всякий актер из своей индивидуальной перспективы категоризирует социальное пространство и в зависимости от своей *групповой принадлежности* определяет в нем свое место. Процесс категоризации «представляет собой проявление адаптивной функции человеческой психики, структурирующей бесконечное многообразие стимулов окружающей среды в более упорядоченную совокупность отдельных категорий. В процесс категоризации включаются другие люди и сам субъект» [6, с. 16]. Результатом определения индивидом своего места в социальном пространстве и является его социальная идентичность. То, что в приведенном определении Г. Тэджфела лишь подразумевается, что знание о своей групповой принадлежности есть результат взаимодействия и признания со стороны других, объясняется просто: автор фокусировал внимание на процессах (само)категоризации в перспективе отдельного индивида.

Г. Тэджфел упоминает лишь эмоциональную и ценностную значимость идентичности, как установочного образования, что соответствует эмоциональному и когнитивному компонентам установки. В данной статье, как и в концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности В.А. Ядова, внимание фокусируется на деятельностном компоненте диспозиций личности, представляющей собой «продукт “столкновения” потребностей и ситуаций (условий) в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены» [15, с. 384].

Идентичность как представление о «территории свободы»

Концепция пространственно-деятельной позитивной идентификации сконструирована с опорой на «школьную» книгу Зигмунта Баумана «Мыслить социологически», вернее на первую ее главу, которая называется «Свобода и зависимость». Именно в этой главе концентрированно представлена всеобщая интеракционистская диалектика отношений между свободой и зависимостью человека в обществе, между *I* и *me*, *Self* и другими, деятельностью и структурой и т. п.

Может возникнуть вопрос, стоит ли в качестве основы для теоретических построений брать не столько научный, сколько научно-популярный текст с отчетливой дидактической направленностью, которая роднит его с жанром учебного пособия. В пользу выбора можно привести ряд аргументов. Во-первых, в книге представлен систематический

(монографический) взгляд на повседневность с позиции взаимодействующих индивидов. Кроме того, в периоды глубоких социальных трансформаций разрыв между передним краем науки и глубоким тылом [2] сокращается так, что востребованная монография становится похожей на учебник — содержит дидактический элемент ради приобщения к добытому знанию и неискушенных неофитов, и опытных исследователей и комментаторов. Такая работа напоминает внутреннюю колонизацию уже завоеванных территорий. «Именно так и возможны попытки понять что-либо: каждый шаг вперед на пути осмысления с необходимостью предполагает возврат к предшествующим этапам нашего продвижения» [3, с. 25].

Во-вторых, З. Бауман эксплицирует базовое допущение, которое лежит в основе мидовской философии действия, однако часто упускается из виду комментаторами — допущение о *свободе индивида действовать*. Это допущение может показаться исключительно ценностным суждением; на самом деле в социальном бихевиоризме Мида оно встроено в онтологию социальности [1, с. 13]. Без этой свободы одинаково невозможно ни становление современной личности (идентичности, *Self*), отвечающей «интересу эпохи», ни формирование сложной, упругой и гибкой социальной ткани. В публицистике эта мысль выражается в заботе о развитом гражданском обществе. Поскольку абсолютное отсутствие свободы помыслить затруднительно², корректнее будет сказать так: чем меньше у индивида «пространства свободы», тем меньше возможностей для позитивного социального действия³, а значит и для воспроизводства «социальной ткани».

Конечно, по канонам пускаться в теоретические построения следовало бы с опорой на первоисточники. Основным источником могла бы послужить главная книга Дж. Мида [21], однако она вышла посмертно и «состоит из записей лекций Мида, по ходу которых он сам многократно перестраивал свою теорию, и поэтому в ней не так просто разобраться. <...> Книга написана сложным языком, подобно его философским

² М.А. Шабанова также неоднократно указывает, что в отличие от философии, оперирующей предельными состояниями свободы/несвободы, социологию интересует относительная несвобода [14].

³ Х. Йоас интерпретирует Мида еще более радикально, когда специально останавливается на том, что принятие роли другого обеспечивает познание не только других людей, но и познание вещного мира посредством «принятия на себя роли предмета». При этом «не только конституция предметов, но и возрастающая глубина их постижения связаны... с развитием идентичности [*Self*. — *O.O.*]. Ее нарушение создает угрозу свободе обращения с предметами» [9, с. 350, 352]. Таким образом, отсутствие свободы препятствует не только развитию навыков социального поведения, но и навыков манипулирования с предметами.

статьям, которые были порой непонятны даже для его учеников» [1, с. 15]. Именно поэтому анализ проблемы Я, где «как бы резюмируется *все содержание* [курсив мой.— О.О.] социальной психологии Мида» может представляться «скорее не теорией, а наброском, приблизительным очерком теории, оставляющим простор для множества истолкований» [8, с. 71].

Из «множества истолкований» текст З. Баумана выбран потому, что он позволил эксплицировать базовые условия процесса идентификации в виде системы тезисов, пригодных для эмпирического анализа. Тезисы содержат (по Г. Блумеру) дефинитивные (предписывающие, что должно видеть) и сензитивирующие (указывающие, куда смотреть) понятия [8, с. 74], и это облегчает их использование для анализа нарративов.

Свобода: определение и постановка проблемы

З. Бауман, размышляя во «Введении» о специфике предмета социологии — социальной реальности — и о случайности границ между научными дисциплинами, пишет: «...то, что мы на самом деле знаем, — это не мир сам по себе, а то, что мы с ним *делаем*». Нет в человеческом мире естественных, данных от природы, границ между пространством социологии и пространствами других наук; границы порождаются разделением труда между учеными [3, с. 11]. Эту пространственно-деятельностную логику З. Бауман использует в интерпретации повседневности. Глава 1 «Свобода и зависимость» начинается со следующего замечания:

«Одна из наиболее сложных загадок человеческого существования, которую пытается разрешить социология» состоит в переживании того, что «мы одновременно и свободны, и несвободны» [3, с. 26].

Поскольку в книге раскрывается социологическое мышление, естественно ожидать, что проблема свободы/несвободы ставится именно социологически.

Индивидуальную свободу З. Бауман определяет как способность выбирать для себя линию поведения из возможных альтернатив: «свобода означает способность решать и выбирать» [3, с. 26]. Взятую в кавычки фразу можно было бы понять так, что речь идет о свободе производить мыслительные операции, однако Бауман скоро добавляет: «...одно дело — самостоятельно выбрать себе цель и иметь искреннее намерение ее достичь, и совсем другое дело — суметь воплотить задуманное и достичь поставленной цели» [16, р. 21]⁴.

⁴ М.А. Шабанова, различая социетальную и индивидуальную свободу, сходным образом дает *социологическое* определение индивидуальной свободы на *микроуровне*: «возможность субъекта самому выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности»

Если в оппозиции «самостоятельно выбрать – воплотить задуманное» сосредоточиться на *I*, на *моей* способности держать данное самому себе слово, тогда разрешение загадки свободы/несвободы следует искать не в социологической плоскости, а в этической. Если видеть противопоставление слова и дела, то Я по-настоящему свободен там, где мое дело со словом не расходится, где, как пишет З. Бауман, *I am able to act on my words*.

Мы останемся в социологическом поле, если сфокусируем внимание на самостоятельности решения (*to decide on my own*): принять решение, сделать выбор можно самому, а вот при воплощении задуманного придется ориентировать свои действия на других, поскольку в достижении поставленных целей мы от других зависим. Ориентироваться на других надо именно для того, чтобы «суметь воплотить задуманное и достичь поставленной цели». Можно сформулировать первый тезис:

Тезис 1 — о причинах несвободы: несвобода происходит из противоречия между частной постановкой целей и общественным характером их достижения.

Здесь, правда, нужно иметь в виду, что эти *words*, то есть желания, не появляются ниоткуда. Они актуализируются из элементов жизненного опыта (пусть в виде творческой комбинации, например, «хочу черевички, что носит царица» или «а у Вас есть такой же, но без крыльев?») в определенный момент взаимодействия со значимыми другими *в соответствии с моей (I) оценкой* текущей ситуации⁵.

[14, с. 110]. С нашей точки зрения, в этом определении возражение может вызвать слово «беспрепятственно», о чем см. тезисы 3–5 об ограничениях на «территории свободы». Более существенная разница между концепцией М.А. Шабановой, проблематизирующей две свободы — социетальную и индивидуальную, — и предлагаемой нами концепцией обозначена в старой полемике между К. Левином и Э. Брюнсвиком: «Если человек сидит в комнате, уверенный, что потолок не обвалится, следует ли для предсказания [в нашем случае, для понимания. — *О.О.*] поведения принимать во внимание только «субъективную вероятность» или же мы должны рассматривать и объективную вероятность того, что потолок обвалится, — вероятность, вычисленную инженером? По-моему, следует принимать во внимание только первое, но на мой вопрос Брюнсвик ответил, что также и последнее» [10, с. 143]. Только после того, как знания структурной («инженерной») социологии, становятся разделяемым знанием, они попадают в поле зрения понимающей социологии.

⁵ Для обсуждаемых сюжетов неважно, насколько, с объективной (или интересубъективной) точки зрения, я верно оценил ситуацию и генерировал из элементов прошлого опыта «разумное» желание, в выполнении которого я реально могу добиться успеха. При неверной оценке ситуации

В этом видится суть «сложнейшей загадки» одновременной свободы и несвободы: в самостоятельной постановке целей мы ощущаем себя свободными, а когда добиться поставленных целей самостоятельно не можем, переживаем несвободу. Очевидно, что речь не идет о политико-правовом понимании (не)свободы. Проблема не в отсутствии прав, а в том, что *вольно*, независимо от наличной ситуации и других ее участников, эффективно действовать не получается. За скобками остается и увлекательнейший философский поиск доказательств «наличия-отсутствия конечных причин наших желаний» [14, с. 110].

Далее Бауман рассматривает *объективные* ограничения, которые индивидуальные старания и действия встречают в обществе:

- ограниченность ресурсов, необходимых для достижения целей,
- необходимость соблюдать авторитетно установленные институциональные правила,
- действия других людей, направленные на достижение свободно выбранных ими целей,
- предопределенность собственными действиями, которые удалось совершить в соответствии со свободно сделанным выбором в прошлом (в частности, прошлые заслуги, приобретенные навыки и т. п.) [3, с. 27–29].

Если рассматривать проблему взаимоотношения индивида и общества с точки зрения первого, предельно обобщенно, то этот список ограничений можно считать исчерпывающим.

Моя группа — территория свободы

В развиваемой Бауманом пространственно-деятельной логике повседневная жизнь индивида проходит *в границах существующего для него мира*. Эти границы не устанавливаются субъективным произволом отдельного индивида, а определяются горизонтами повседневных взаимодействий с членами моей группы, от которых я завишу в достижении свободно выбранных целей.

Тезис 2 — о пространстве своей группы как территории свободы: моя группа «фиксирует территорию, в пределах которой я могу правильно пользоваться свободой действий» [3, с. 30].

Этому выводу (тезису) у Баумана находим следующее основание: «Может оказаться..., что, если я, скажем, британец и мой *родной язык* —

и/или неверной стратегии достижения меня ждет неудача во взаимодействии, и тогда мне придется либо скорректировать желание, либо изменить способ его удовлетворения, либо свести к минимуму деятельность во внешнем мире и выбрать «отступление во внутреннюю цитадель» [5, с. 140–147], которая, в терминах Мида, ближе к индивидуальной игре (*play*), чем к коллективной игре (*game*), включающей координацию действий автономных акторов во внешнем мире.

английский, то уютнее всего я чувствую себя дома, среди людей, говорящих по-английски. ...В другом месте ...я не могу свободно общаться, не понимаю смысла того, что делают другие люди, и я не знаю, что мне самому делать, чтобы выразить свое намерение и достичь желаемого результата. Я чувствую себя растерянным... не только при посещении других стран. Подобно этому, выходец из рабочей семьи может чувствовать себя неловко среди богатых соседей из среднего класса» (курсив мой. — О.О.) [3, с. 29].

К этому пассажиру сделаем несколько замечаний. Во-первых, речь идет о делении социального пространства на свое и чужое; это деление предполагает идентификацию с определенной группой, признание своего членства в группе.

Во-вторых, речь идет не о политическом понимании свободы, не об осознании (не)ущемленности своих интересов и т. п. Речь идет о переживаниях, ощущениях уюта и неловкости, причины которых могут и не осмысляться.

В-третьих, уют связан с ощущением родного дома, свободным общением — пониманием того, что говорят и делают окружающие, как выразить собственное намерение и достичь желаемого результата. Соответственно неловкость связана с растерянностью, с неспособностью свободно общаться, то есть понимать смысл слов и поступков окружающих, но, прежде всего, с неспособностью адекватно выражать собственное намерение для достижения цели. Подчеркнем, что речь идет вовсе не о свободе слова или общения, а о свободе действовать и достигать. Свободное владение языком лишь предпосылка для свободы действовать.

В-четвертых, «группа» для Баумана — родовое понятие. Им он обозначает общности любого масштаба и основания, которые не обязательно сводятся к микросреде. В приведенной цитате группой обозначается и класс (рабочие, средний класс), и нация-государство (посещение других стран), и языковая общность, которая может быть шире нации-государства (случай английского языка), а в принципе может быть и «перпендикулярной» государственным границам. При таком употреблении совершенно очевидно, что группа, рассматриваемая изнутри, не обязательно гомогенна.

Бауман предлагает краткий список того, чем я обязан группе своей (социологически понимаемой) свободой действовать:

- умение отличать цели, которые в группе считаются достойными, чтобы их перед собой ставить, от недостойных целей;
- умение отличать приемлемые средства достижения поставленных целей, от неприемлемых способов действия;
- умение применять критерии значимости, чтобы среди предметов и людей отбирать то, что соответствует и не соответствует достигаемой цели;
- умение пользоваться «картой мира», которая позволяет мне строить

реализуемые *жизненные планы*, выбирать достижимые в моей группе цели [3, с. 31].

Отсутствие в этом списке *ценностей* может навести на мысль, что речь идет о свободе максимизирующего выгоду индивидуального актора, действующего исключительно целерационально. Это не так. Речь идет о целях, достижение которых *представляется* индивиду «обязательным условием правильной, успешной, хорошей жизни» [3, с. 31].

При старом режиме мы бы сказали, что ощущение свободы, правильной, успешной, хорошей жизни невозможно в отрыве от коллектива. Существенная разница заключается в идеологической нюансировке, в институциональной поддержке «правильного знания» о взаимоотношениях индивида и коллектива, при том что в обоих случаях ощущение свободы получается в обмен на зависимость от группы:

«Группа, сделавшая меня свободным человеком и продолжающая охранять область моей свободы, *взяла на себя контроль* над моей жизнью (над моими желаниями, целями, а также действиями, которые мне следует предпринимать, и действиями, от которых следует воздержаться, и т. п.)». «Именно в этой группе я наиболее полно могу осуществить свою свободу (... выбрать способ действия, приемлемый для других и вполне соответствующий ситуации). ... Научив меня своим способам и приемам, моя группа позволяет мне *на практике действовать свободно*» (курсив мой. — О.О.) [3, с. 30, 29].

Выше мы упоминали Г. Тэджфела, который под социальной идентичностью индивида понимал «*знание* [курсив мой. — О.О.] о своей принадлежности к определенным социальным группам и эмоциональную и ценностную значимость этой принадлежности» [22, р. 292]. Теперь мы можем уточнить это определение: знание о принадлежности к группе непременно включает *практическое* знание о приемлемых способах действия. Ценностная значимость группового членства проявляется в разделяемых представлениях о правильной, успешной, хорошей жизни.

Тезис 3 — о происхождении свободы из постоянной социализации: ощущение свободы происходит из постоянного повседневного, деятельного усвоения знаний о принятых в своей группе карте мира, целях, ценностях, способах действия, жизненных планах.

Обратим внимание на трактовку *социализации* индивида.

«Полагаю, наше обсуждение до сих пор создавало верное впечатление о том, что процесс социализации не ограничивается детским опытом. Фактически он никогда не прекращается, длится всю жизнь, постоянно приводя в сложное взаимодействие свободу и зависимость» [3, с. 40].

Речь не идет только о первичной социализации — об усвоении элементарных социальных навыков в детстве внутри узкой группы значимых других. Ощущения *уюта* и *неловкости* сопровождают нас

и в ходе всех последующих, вторичных социализаций. Если смыслы объектов порождаются и изменяются в ходе постоянного взаимодействия (Г. Блумер), то в то же самое время производятся, воспроизводятся и изменяются идентичности (смыслы) взаимодействующих индивидов, ибо они сами выступают объектами для себя и других.

Ограничения свободы в пространстве уюта

Иллюстрируя оппозицию своих и чужих, Бауман приводит широкие общности, составляющие целые миры, заведомо богатые внутренним разнообразием: британцы и иные, средний и рабочий классы. Из внутреннего разнообразия социализирующих общностей следует, что далеко не всякое намерение и действие индивида гарантированно встречает радушный прием.

Для примера профессор Бауман принимает позицию абитуриента колледжа. Ему известен конкурс — 20 человек на место, и он предполагает, что претенденты, как и он сам, прилежно обучились у своей группы тем совместно выработанным, конвенционально принятым (или сконструированным) «способам и приемам», которые считаются приемлемыми для достижения поставленной цели. Резонно полагать, что остальные 19 претендентов, свободно решивших держать экзамены, более или менее разумно распорядились предоставленной им свободой и наращивали свою компетентность для прохождения вступительных испытаний [3, с. 27]. От лица абитуриента профессор замечает:

«Я узнал, что моего решения и доброй воли еще недостаточно, если у меня нет средств для того, чтобы обеспечить осуществление своего решения» [3, с. 28].

«Для того чтобы действовать свободно, кроме свободной воли мне нужны еще и ресурсы» [3, с. 27–28].

Этот пример абитуриента позволяет сформулировать 2 тезиса о том, что свобода внутри *своей* группы не тождественна *воле*, не знающей ограничений.

Тезис 4 — об ограничении свободы конкуренцией: для реализации свободно принятых решений в своем пространстве приходится конкурировать за необходимые для избранного действия ресурсы.

Даже в своей группе нет гарантий для реализации свободно принятого решения. Социализированные в одной культуре люди стремятся к сходным целям, «но не все могут достичь их, поскольку количество того, что мы все желаем, ограничено, т.е. меньше, чем людей, претендующих на него» [3, с. 27]. Необходимость вовлекаться в конкуренцию и добиваться успеха есть неотъемлемая часть свободы. Все по-взрослому. Но это еще не все.

Наряду с конкурентными (горизонтальными) отношениями, свободу внутри своей группы ограничивают властные (вертикальные)

отношения. Оказывается,

«что результаты моих усилий и их [конкурентов] усилий зависят от других людей — тех, кто решает, сколько мест предоставить, кто оценивает навыки и усилия абитуриентов. Именно они устанавливают правила игры, в то же время являясь судьями... именно их свобода, как оказывается, устанавливает пределы моей свободы. ...Их свобода выбора привносит элемент неопределенности в мою ситуацию».

«[Моя свобода предполагает] способность правильно понимать ситуацию и, следовательно, точно ориентироваться относительно действий и намерений других людей, влияющих на результаты моих усилий» [3, с. 27, 29–30].

Отсюда следующий тезис:

Тезис 5 — об ограничении свободы правилами: для реализации свободно принятых решений в своем пространстве приходится учитывать авторитетно устанавливаемые правила.

Вопрос о соотношении между приверженностью группе (идентификацией) и следованием принятым в группе правилам заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь лишь отметим, что речь идет о признании индивидом легитимности принятых в группе правил, ограничивающих свободу действия. Несоблюдение правил означает *деятельный*, пусть частичный или временный, отказ от групповой идентификации из-за того, что она не оставляет свободы для избранной линии поведения.

Признание группой — условие моей свободы

Однако для свободы есть еще одно решающее условие. З. Бауман пишет:

«Может оказаться, что свобода действий в соответствии с моими желаниями зависит не от того, что я *делаю*, и даже не от того, что я *имею*, а от того, что я *есть*. Например, мне могут запретить войти в какой-нибудь клуб, не принять на работу из-за каких-то моих качеств, скажем, расы, пола, возраста или национальности. Ни одно из этих качеств не зависит ни от моей воли, ни от моих действий, и никакая свобода не позволит мне изменить их» [3, с. 28].

Не вступая в дискуссию о том, насколько действенны в глобализирующемся мире примордиалистские критерии для членства в привилегированных группах, укажем, что в любом случае от *признания* индивида группой в качестве своего во многом зависит, насколько знания, другие ресурсы и достижения обеспечат ему свободу действия. Отсюда принципиально важный тезис:

Тезис 6 — об ограничении свободы (не)признанием членства: в пространстве группы уютно тем, чье членство признано.

О самостоянии индивида

Центральное понятие в символическом интеракционизме —

межиндивидуальное взаимодействие. Социализация индивидов и становление социальных структур — это двуединый процесс. «Совокупность процессов взаимодействия... конституирует общество и социального индивида», весь запас практических знаний индивидуальным Я «способов действия, символических содержаний зависит от разнообразия и широты... взаимодействий, в которых Я участвует. Структура... Я... отражает единство и структуру социального процесса» [8, с. 68, 69]. Отсюда следует, что социализация — не пассивный процесс, причем с самого начала становления личности индивида.

«Ребенок как личность формируется во взаимодействии со средой. Активность и инициатива характерны для обеих сторон этого взаимодействия» [3, с. 33].

С еще бóльшим основанием можно ожидать инициативу и деятельную активность от взрослой, сформировавшейся личности. Инициатива свидетельствует об относительной автономности. На какие ресурсы может опираться становящаяся личность, чтобы сохранить относительную автономность от могущественного общества? Ответ на этот вопрос также содержится в теории Мида о внутренней структуре личности, состоящей из *Me* — «интернализованной структуры групповой деятельности» [8, с. 71] — и *I* — по определению автономного от общества «внутреннего стержня личности, с позиций которого рассматриваются, оцениваются, накапливаются и, в конечном счете [ultimately], оформляются внешние социальные требования и ожидания» (перевод дается в нашей редакции. — *О.О.*) [3, с. 33]. *I* отвечает на требования и ожидания, однако «каков будет этот ответ, *I* не знает, и не знает никто другой... Реакция на ситуацию, какой она является в непосредственном опыте, не очевидна, и именно эта реакция конституирует *I*» [21, р. 50]. Действующее *I* непосредственной рефлексии не поддается в отличие от *Me*, в котором аккумулированы оценивающие реакции на прошлые действия *I*. Здесь отчасти применима самоироничная формула: «Откуда я знаю, что я думаю (делаю), вот скажу (сделаю), тогда узнаю».

Таким образом, эмерджентный, ускользающий от непосредственного осознания момент процесса производства личности (и общества) является ресурсом для автономии (свободы) личности. В тот момент, когда другие грубо игнорируют эту автономию, прекращается деятельное становление личности, а вместе с ним и производство общества:

«Одно из первых открытий, которые должен сделать для себя ребенок, это то, что “другие” различаются между собой. Они редко видят друг друга в глаза и отдают команды, не согласующиеся между собой, а потому и не выполнимые одновременно. ...В числе первых навыков... следует назвать навыки отбора и отсева; такие навыки нельзя усвоить, не развив способности отвергать и выдерживать нажим, ...сопротивляться хотя бы части внешних сил. ...В конечном счете именно “I” делает выбор и тем

самым становится... «полноправным» автором предпринимаемого действия» [3, с. 33–34].

Повторимся, что с еще бóльшим основанием деятельную активность можно ожидать от взрослого. В терминах феноменологической социологии знания, можно сказать, что деятельная идентификация имеет место тогда, когда мы *с напряженным вниманием* относимся к пространству своей группы и тем самым делаем ее *мир* реальным [4, с. 40–41]. Делаем мир реальным для себя и тем самым демонстрируем его реальность другим. Одновременно напряженное внимание к миру делает реальным и самого актора. Я переживает себя как реальное в реальном мире — вместе с реальным миром. Наиболее реальным воспринимается то, что, как я полагаю, контролирует мое поведение, на что я считаю нужным ориентировать свои действия.

Из мидовской схемы можно сделать вывод о том, что, если социальное окружение будет слишком жестко контролировать спонтанные, поисковые действия, источником которых является автономное *I*, социальное *Me* не сможет развиваться. Личность и окружающий мир будут постепенно утрачивать реальность друг друга и для себя, и друг для друга.

Тезис 7 — об относительной самостоятельности индивида от социального окружения: без относительной автономии индивида производство личности и общества было бы невозможно.

Эта формулировка может показаться слишком сильной и ценно-стно нагруженной. В конце концов, история знает немало обществ и отдельных их сегментов, где автономность личности и спонтанность действий принудительно ограничиваются, и, несмотря на все ограничения, личностное, человеческое начало пробивает себе дорогу... Следуя этой логике рассуждений, можно было бы дать и более мягкую формулировку. Однако в этом случае мы оказались бы в сфере политико-этического дискурса заботы о правах личности. В концепции Дж. Мида этот тезис относится к области онтологии:

«Благодаря активности ребенка при освоении *ролей в индивидуальной игре (role playing)*, отделение *I* от *Me* (то есть эмерджентное возникновение у личности (*self*) способности представлять себе, осмысливать и контролировать требования значимых других) выполняет важнейшую задачу. Принимая в игре роли других, например отца или матери, и экспериментируя с их поведением (включая их поступки по отношению к нему самому), ребенок учится искусству смотреть на действие как на *принятую* роль, как на нечто такое, что можно делать, а можно и не делать; действие подразумевает делание, выполнение того, что требует ситуация, и это требование может измениться с изменением ситуации. Тот, кто выполняет действие, на самом деле не я — не *I*. По мере того, как дети подрастают и накапливают знание о разных ролях, они начинают

участвовать в *коллективных играх (games)*, в которых, в отличие от индивидуальной игры (*play*), есть элемент кооперации и координации с другими исполнителями ролей. Здесь ребенок набирается опыта в искусстве, самом главном для по-настоящему самостоятельной личности (*self*) — в искусстве выбирать линию поведения в ответ на действие других, а также поощрять или принуждать других действовать в соответствии со своими желаниями» [16, р. 28].

Подчеркнем, что обращение к детству в данном случае подчинено цели показать генезис, механизм конституирования *и* взрослой личности, *и* «взрослого» общества.

Что мотивирует быть членом группы?

Принадлежность группе требует от индивида напряженной социализации, но и после всех хлопот и усилий даже в своей группе свобода ограничивается. Сформулированная Бауманом загадка человеческого существования осталась неразрешенной.

Формула свободы как осознанной необходимости и вывод об утрате собственной реальности при отсутствии социальных связей представляются слишком (раз)умными, теоретичными основаниями для спонтанного *I*. Поэтому остается вопрос: что может мотивировать индивидов искать свободу в групповой определенности, когда теоретичные основания еще не познаны, а если познаны, то не приняты, не стали личностным знанием, с которым индивид готов идентифицироваться. Проще говоря, почему мы ищем себе хомут? Положим, процесс первичной социализации происходит в группах, которые мы не выбираем:

«Та самая группа, которая играет... важную роль в моей свободе, не является предметом моего свободного выбора. Я — член этой группы уже в силу своего рождения в ней. Территория моего свободного действия как таковая тоже не есть предмет моего свободного выбора» [3, с. 30].

Но зачем взрослый человек в ходе вторичных социализаций мучительно ищет, к какой группе ему прилепиться, если загадка все равно не получает разгадки? В анализируемой главе можно найти ответ и на этот вопрос:

«...сам факт, что я так хорошо приспособился к действиям в группе, к которой принадлежу, ограничивает мою свободу действий в огромном, плохо размеченном, зачастую отталкивающем и пугающем пространстве за пределами группы» [3, с. 29].

Плохо размеченное, а потому пугающее пространство отражает наше незнание о нем. Страх неведомого, *сконструированного* группой незнания внушает ощущение неуютности и (до поры до времени) ограждает от соблазна искать свободу от внутригрупповых ограничений

на чужой территории⁶. Теперь тезис 2 о пространстве своей группы как территории свободы можно дополнить еще одним тезисом:

Тезис 8 — о границах территории свободы: свобода действовать на своей территории происходит из несвободы за ее пределами.

Однако важно иметь в виду, что граница обеспечивает свободу, как в позитивном, так и в негативном смысле [5]. В негативном смысле обеспечивается *свобода от* неизвестного и непредсказуемого; а в позитивном смысле обеспечивается *свобода для* действия, правда, на ограниченной территории с ограниченными ресурсами и ограничивающими правилами. Когда эти ограничения известны заранее, и не только интернализированы, но и приняты *для себя*, тогда можно сказать, что актер с ними *идентифицируется*⁷; актуализируется как бы обратная сторона медали: институциональные ограничения с точки зрения постороннего оборачиваются для инсайдера преимуществами (о пользе хабиутализации, «предшествующей любой институционализации», см. [4, с. 89 и сл.]).

Эффекты несвободы

Отсутствие свободы, разумеется, есть субъективно переживаемый и оцениваемый результат социальных взаимодействий и непреодоленных (или непреодолимых) противодействий, в том числе со стороны институциональных акторов. Поскольку границы социально конструируются, и в этом конструировании участвуют относительно автономные индивиды, границы всегда подвижны. В одной ситуации группы и институты могут трактоваться как принадлежащие *своей* территории — в этом случае можно говорить об их легитимности, о признании, принятии, с большим или меньшим удовольствием, их регулирующего влияния. В другой ситуации те же самые группы и институты могут восприниматься как положенные *вне своей* территории — тогда их попытки регулировать влияние воспринимаются, как минимум, с недоумением, непониманием, рождающим ощущение неуютта, неловкости.

⁶ Иногда незнание, упрощающее положение дел знание организовано культивируются с обратной целью — мотивировать индивидов преодолевать страх неведомого и на свой риск завоевывать новые пространства; страх преодолевается посредством внушения, что познавать попросту нечего, что чужая территория в культурном смысле является целинной, ждущей обустройства (или своего обустроителя).

⁷ П. Бергер и Т. Лукман различия между интернализацией и идентификацией не делают [4, с. 102], а между тем оно полезно для интерпретации. «Оборотни в погонах» (и домашних тапочках) интернализировали нормы, *знают*, что их действия не соответствуют нормам. Нарушение же показывает разидентификацию с интернализированными (усвоенными) нормами.

Тезис 9 — об эффектах несвободы: препятствия для позитивной, деятельной идентификации с территорией (частью социального пространства) приводят

- либо к сжиманию территории свободы (актуального действия) и переопределению собственной идентичности;
- либо к поиску новых, превращенных выходов для активности в прежних границах;
- либо к поиску новых территорий и пересмотру границ между своим и чужим пространствами.

В условиях несвободы для позитивного действия вместе с территорией свободы, подобно шагреновой коже, сжимается и идентичность. Согласно национальным опросам 1992–2002 гг., «именно первичные группы (близкий круг общения, включая семью, друзей и товарищей по работе) составляют устойчивый комплекс групповых идентификаций» россиян, что «главными ресурсами выживания остаются персональные сети общения: круг знакомых, вызывающих доверие» [7, с. 8, 9]. Речь, разумеется, не идет о формально закрепленных политических и экономических свободах. Последние, спору нет, расширились и открыли необходимые для мотивирования экономической активности каналы социального расслоения.

Уход с территории происходит тогда, когда она полагается завоеванной настолько превосходящими силами «противника», несущего ощущение неуюта и неловкости, что эффективная борьба с ним не представляется возможной. Территорию оставляют, когда она перестает быть или так и не становится своей. Все эти эффекты несвободы отражены в обширной литературе о социальной идентичности, социальной категоризации и отчуждении.

Сборка концепции из тезисов

Из сформулированных тезисов соберем *концепцию позитивной деятельной идентификации*. Содержательно 8 тезисов можно сгруппировать в 5 топик.

Первый тезис поставим особняком, так как в нем речь идет о *социологической* постановке проблемы человеческой свободы как «загадки человеческого существования»:

Несвобода происходит из противоречия между частной постановкой целей и общественным характером их достижения.

Это *социологическое определение* несвободы задает общую рамку дальнейшим построениям, касающимся идентификации, — процесса производства личности и общества, — и уточняет условия человеческой свободы. Это определение выводит обсуждение за рамки философских, политических и прочих дискурсов, где «свобода» нагружена плохо поддающимися операционализации коннотациями.

Тезисы	Топики
2, 8	1. Деление пространства на свое и чужое
3–5	2. Принятие пространства своей группы (то есть принятие картины мира, ограничений конкуренции и правил)
6	3. Признание (принятие) индивидуального членства Другими
7	4. Значимость автономности индивида в производстве социальности
9	5. Эффекты несвободы

Тезисы 2 и 8 конкретизируют условия человеческой свободы: деление социального мира на свое и чужое пространства — уюта и неловкости. Дорефлексивная способность различать свое и чужое — фундамент для дальнейшего самоопределения посредством самоидентификации и идентификации со стороны других.

Тезисы 3–5 содержат условия, при выполнении которых пространство действительно, деятельно может стать своим для индивида (и группы). Условия связаны с социализацией — деятельным принятием на себя обязательств, которое предполагает деятельное отождествление себя с «территорией». Без отождествления пространство будет отчужденным от индивида, а индивид — от пространства.

Тезис 6 снова напоминает о двустороннем характере идентификации. Чтобы признание состоялось, в разных контекстах мне приходится, как пишет Бауман, быть и/или иметь и/или делать. Эту формулировку в терминах качеств индивида можно перевести в термины правил и требований, которым должен удовлетворять индивид. В этом случае тезис 6 можно рассматривать как спецификацию пятого тезиса о *принятии правил*.

Даже если речь идет о несоответствии индивида групповым требованиям на уровне «быть» (пол, возраст, раса и т. п.), можно говорить о принятии своего исключения из узкой группы, как это происходит с любыми меньшинствами. Принятие своего исключения из узкой группы компенсируется включением в более широкую группу, которое (интер)субъективно иногда дорогого стоит. Например, не все русские неграждане Эстонии торопятся выехать и стать полноправными гражданами России, тем самым, *дейтельно* соглашаются с, возможным временным, поражением в гражданских правах.

Тезис 7 — это своего рода утешительный приз, который можно получить (но можно так и не получить) в обмен на принятые обязательства. Напомним, что речь идет не о моральной значимости, а об онтологическом значении автономности индивида для производства «социальной ткани».

Наконец, тезис 9 указывает, каковы последствия для группы (общества), если индивиды не находят возможности реализовать свою

готовность деятельно отождествить себя с определенным социальным пространством.

В зависимости от предмета и объекта исследования при анализе данных одни предложенные тезисы могут оказываться в фокусе внимания, а другие оставаться за скобками.

Пространственно-деятельная идентификация: определение

Из сказанного можно вывести: идентификация — это не просто то, что мы знаем о себе, своей группе и своем (вместе с группой) месте в мире. Идентификация — это то, что мы, преодолевая скудость ресурсов и сопротивление правил, авторитетов и конкурентов, *делаем* в пространстве, которое мы вместе со своей группой *считаем своим*. Собственно именно потому и *делаем*. Делание удостоверяет нашу свободу. Сказанное является лишь перифразой приведенной выше цитаты о границах между научными дисциплинами: «то, что мы на самом деле знаем, — это не мир сам по себе, а то, что мы с ним *делаем*».

Теперь можно сформулировать пространственно-деятельностное определение идентификации, опираясь на трактовку Г. Тэджфела, согласно которой социальная идентичность есть знание индивида о своей принадлежности к группе.

Идентификация индивида — повседневное, взаимно ориентированное принятие принадлежности к группе, ее границ, правил и иерархий, проявляющееся в деятельностной свободе и обуславливающее ее.

Иными словами, идентификация — это интерактивное отождествление с определенным интерактивно же сформированным представлением о *своем* социальном пространстве, в котором только и можно чувствовать себя свободно в социологическом смысле. Операция отождествления принципиально важна, поскольку знаниями, представлениями о социальных пространствах с их межгрупповыми границами, принятыми правилами, иерархиями и т. п. можно обладать и без отождествления себя с ними. Не со всяким знакомым миром (пространством) я готов отождествляться. *Чужой мир* может быть и *знакомым*, но если деятельно его осваивать я не собираюсь, то тем самым я деятельно, фактически от него отчуждаюсь.

В то же время нежелание деятельно участвовать в некогда своем мире, равно как и в мире, к которому меня приписывают против моей воли, означает разидентификацию с ним. Итогом разидентификации является, например, описанный советский феномен двоемыслия. Универсальную социологическую концептуализацию деятельной разидентификации актора мы находим в типологии отклоняющегося поведения Р. Мертона.

Область применения концепции

В различных эмпирических контекстах, при решении прикладных задач понятийное поле свободы/несвободы может формулироваться как в узких терминах внутренней мотивации, предполагаемой актором пользы и/или ценности того или иного возможного действия, так и в терминах внешних, структурных возможностей. «Территория свободы» трактуется не в политическом и еще менее в философском смысле, а увязывается с текущей оценкой акторами привлекательности определенных видов активности.

В частности, понятийное поле свободы/несвободы уместно при анализе ситуаций, характеризующихся дефицитом участия и проблематичностью действенности простых стимулов, которые в силу своей простоты могут казаться универсальными. Последнее обстоятельство может возникать по разным причинам — от слабой управляемости институциональной среды до нерутинности желаемой активности. В то же время факт наличия или отсутствия деятельной позитивной идентификации можно интерпретировать в терминах социального контроля со стороны соответствующих групп, общностей, институтов.

В теоретическом контексте понятие свободы предохраняет от неадекватного применения детерминистских и эссенциалистских моделей к динамичным общественным процессам. Если обратиться к историческому контексту социального бихевиоризма, то свою теорию Дж.Г. Мид развивал в полемике с наиболее влиятельными в то время психологическими теориями бихевиоризма и фрейдизма, придавая «большое значение духовной активности как детерминанте поведения» [1, с. 13]. Кроме того, как указывалось выше, для интеракционистского теоретизирования тезис о свободе индивида является не моральной максимой, а утверждением об онтологии социальности.

Тот же посыл характерен и для концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности В.А. Ядова: «Не будет преувеличением, если мы скажем, что существо проблемы социальных отношений и личности в современном обществе — это вопрос о том, как именно социальные отношения воздействуют на личность и, с другой, как она преобразует свою социальную среду. В одном отношении личность выступает в качестве продукта социальных и культурных условий, но в другом она же является создателем своих собственных условий существования, т. е. социальным субъектом» [15, с. 381].

Всякая модель имеет «радиус действия». Если исходить из иерархии мотивирующих факторов «принуждение – социальные нормы – индивидуальные интересы» (не только в узко экономическом смысле) [13, с. 95–100], то в ситуации принуждения для идентичности как детерминанты действия остается мало места.

Мотивирующий фактор	Идентичность как опосредующая детерминанта действия
индивидуальные интересы	личностная идентичность
социальные нормы	групповая идентичность
принуждение	—

В действиях, мотивированных социальными нормами, актуализируется групповое измерение идентичности, а в ситуациях, где преобладает индивидуальный выбор, — личностное измерение.

Сформулированное определение идентификации совместимо с самым широким спектром социальных теорий (функционалистская и конфликтологическая парадигмы, неоинституционализм, исследования культуры), в рамки которых, начиная с 1960-х гг., активно инкорпорировалась интеракционистская диалектика производства социальности и социальных акторов. Наряду с исследованиями идентификации Г. Файн выделил пять направлений эмпирических исследований, в которых вклад интеракционизма стал наиболее заметным: теорию социальной координации, социологию эмоций, социальный конструктивизм, макроинтеракционизм и прикладную социологию социальных реформ (социальной политики) [19, р. 61]. Парадигма взаимодействия более адекватна для исследования изменяющихся обществ (сегментов общества), тогда как при изучении стабильного социума пренебрежение «гуманистическим коэффициентом» и использование структурных моделей более оправдано.

В исследованиях социальной идентификации методом массового опроса в качестве отправной точки берутся когнитивный (чаще) и эмоциональный (реже) компоненты идентичности (как установочного образования), по которым категориям респондентов при интерпретации вменяются гипотетические поведенческие и оценочные стратегии.

Возможность использовать надежные данные (материалы развернутых интервью и наблюдений) о субъективно значимом социальном поведении (например, о поведении предпринимателей-благотворителей в малом городе [12], или крестьян, взявших кредиты в рамках Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» [11]) позволяет идти в противоположном направлении: реконструировать когнитивный компонент по описанию социального поведения и тем самым с большей надежностью и систематичностью реконструировать перспективу актуального действия социальных групп (категорий) относительно интересующих социальных объектов. В частности объяснять ситуации, аналогичные известному парадоксу Р. Лапьера, когда когнитивные компоненты социальных установок, фиксируемые в высказываниях людей, входят в видимое противоречие с их поведением [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейа, 1999.
2. *Батыгин Г.С.* Производство научного знания // Человек. Сообщество. Управление. 2003. № 2/3.
3. *Бауман З.* Мыслить социологически / Пер. с англ. С.П. Баньковской. М.: Аспект Пресс, 1996.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
5. *Берлин И.* Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: НЛО, 2001.
6. *Данилова Е.Н., Косэла К.* О методологии исследования: общий подход и используемые методики // Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Сост. Е.Н. Данилова, В.А. Ядов. СПб.: РХГА, 2006.
7. *Данилова Е.Н., Ядов В.А.* Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения: Материалы всероссийского семинара / Под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. Краснодар: КубГУ, 2004.
8. *Ионин Л.Г.* Понимающая социология: историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.
9. *Йоас Х.* Джордж Мид и символический интеракционизм // История социологии в Западной Европе и США. М.: ИГ НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
10. *Левин К.* Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии: Период открытого кризиса (начало 10-х годов – середина 30-х годов XX в.) / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1980. С. 131–145.
11. *Оберемко О.А.* Зоны актуальной ответственности: Типология ЛПХ, участвующих в ПНП «Развитие АПК» // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 2.
12. *Оберемко О.А.* Локальная идентичность благотворителя как представление о «территории свободы» // Социальная реальность. 2007. № 3.
13. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
14. *Шабанова М.А.* Современный трансформационный процесс в контексте свободы: синтез макро- и микроподходов // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003.
15. *Ядов В.А.* Личность как объект и субъект социальных отношений // Социология и современность. М.: Наука, 1977. Т. 1.
16. *Vauman Z.* Thinking sociologically. Oxford, UK; Cambridge, USA: Basil Blackwell, 1990.
17. *Blumer H.* Sociological implications of the thought of G.H. Mead // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 71. No. 5.
18. *Blumer H.* Symbolic interactionism. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969.
19. *Fine G.A.* The sad demise, mysterious disappearance, and glorious triumph of symbolic interactionism // Annual Sociological Review. 1993. Vol. 19.
20. *LaPiere R.T.* Attitudes versus actions // Social Forces. 1934. Vol. 13. No. 2.
21. *Mead G.H.* Mind, Self and society. Chicago: Chicago University Press, 1936.
22. *Tajfel H.* La categorisation sociale // Introduction a la psychologie sociale. Vol. 1 / Dir. par S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972.